

К.В. Шуплецова

Распространение синтоизма в Корее в колониальный период

Аннотация. В данной статье рассматривается религиозная политика Японской империи в Корее в колониальный период 1910—1945 гг. Целью японского правительства являлась ассимиляция корейского населения и укрепление культа императора, что было необходимо для сохранения контроля над населением. С этой целью генерал-губернаторство начало проводить политику подчинения религиозных организаций и установления контроля над ними, и затем повышать роль синтоизма — «исконно японской религии» — в корейском обществе. Постепенно синто утратил свою религиозную значимость и стал играть идеологическую роль как на территории Японии, так и в колониальной Корее. С 1930-х годов начинается активное строительство синтоистских храмов; школьников привлекают к проведению церемоний. Политика сопровождалась достаточно жесткими мерами и не была принята корейской молодежью так, как ожидалось.

Ключевые слова: государственное синто, религиозная политика, колониальная Корея, синтоизм, Японская империя, японский император.

Автор: Шуплецова Ксения Васильевна, аналитик Центра «Государство и религия в Азии», Институт Китая и современной Азии РАН.
ORCID: 0000-0002-1056-4788. E-mail: k.shupletsova@iccaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шуплецова К.В. Распространение синтоизма в Корее в колониальный период // Корееведение. 2024. № 2 (7). С. 55—64.
DOI: 10.48647/ICCA.2024.59.42.005.

К. V. Shupletsova

Spread of Shintoism in Korea During the Colonial Period

Abstract. This article examines the religious policy of the Japanese Empire in Korea during the colonial period 1910—1945. The goal of the Japanese government was to assimilate the Korean population and strengthen the cult of the emperor, which was necessary to maintain control over the population. To this end, the General-Government began to pursue a policy of subordinating and establishing control over religious organizations in order to increase the role of Shintoism (the “original Japanese religion”) in the Korean society. Gradually, Shinto lost its religious significance and began to play an ideological role both in Japan and in colonial Korea. Since the 1930s construction of Shinto shrines begun, schoolchildren got involved in ceremonies. The policy was accompanied by quite harsh measures and was not accepted by Korean youth as expected.

Keywords: State Shinto, religious policy, colonial Korea, Shintoism, Japanese Empire, Japanese emperor.

Author: Kseniya V. SHUPLETSOVA, analyst of the Center “State and Religion in Asia”, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-1056-4788. E-mail: k.shupletsova@iccaras.ru

Conflict of Interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citations: Shupletsova K.V. Rasprostranenie sintoizma v Koree v kolonial'nyj period [Spread of Shintoism in Korea During the Colonial Period]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2024, 2 (7): 55—64. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2024.59.42.005.

Японское колониальное правительство проводило политику ассимиляции корейского населения с целью превращения их в подданных Японской империи наравне с японцами. Немаловажной частью данного политического курса являлась религиозная политика, которая изначально ставила перед собой цель достичь контроля над религиозными объединениями. К 1930-м гг. колониальное правительство сменило фокус и поставило задачу распространить синтоизм среди корейского населения. До этого времени синто распространялся спорадически, усилиями переезжающих японцев, которые часто сами строили храмы и сами же ходили в них.

Задачей данной статьи является изучение механизмов распространения синтоизма на территории Кореи в период 1910—1945 гг. и целей, которых стремились достичь японское правительство в своей религиозной политике.

Синтоизм появился на Корейском полуострове задолго до XX в. Первый синтоистский храм в Корее был построен в 1678 г. японскими торговцами из пров. Цусима. Изначально он носил название храм Котохира, в 1900 г. был переименован в храм Рю:то:сан. В 1882 г. построен храм Гэндзан (Вонсан), в 1890 г. — храм Дзинсэн (Инчхон). Храмы строились для японских переселенцев, следовательно, синтоизм не распространялся среди корейцев.

Важно отметить, что изначально на территории Корейского полуострова распространялся именно храмовый синто (*дзиндзя-синто:*) — совокупность религиозных практик, осуществляемых в храме, отделенных от государственно-политического контекста. В отличие от храмового, государственный синто (*кокка синто*) являлся религиозно-политическим концептом, направленным на укрепление идеи божественности императора.

После заключения японо-корейского договора о протекторате в 1905 г. японское правительство предприняло попытку систематизировать сведения о религиозных объединениях на полуострове. В 1906 г. были опубликованы Правила распространения религии, которые регулировали принципы регистрации религиозного объединения, предоставления необходимых сведений об их главе и деятельности, однако не выделяли синтоистские храмы в отдельную привилегированную категорию [Правила распространения религии].

Японский исследователь Ямагути Коити делит распространение синто в Корею на три периода:

1) *период поддержания государственного ритуала* (1910—1925) — плавного распространения синто в Корею, не имевшего строгой государственной поддержки;

2) *период установления ритуалов для национальных подданных* (1925—1936), характеризующийся формированием основ государственного синто в Корее и строительством главного синтоистского храма Тёсэн-дзингу;

3) *период обеспечения соблюдения ритуалов для подданных* (1936—1945), когда государственное синто как идеология достигает своего пика, так как требуется мобилизация духа и сил корейского населения в военных условиях [Ямагути, 2006, с. 192].

Религиозная политика генерал-губернаторства

После подписания Договора о присоединении Кореи к Японии в 1920 г. первый генерал-губернатор Тэраути Масатакэ начал политику модернизации, которая коснулась и религиозной сферы.

В 1911 г. был принят Указ о храмах (사찰령, 寺刹令) [Указ о храмах]. Он состоял из семи статей, регулирующих работу храмов на территории Кореи. Ст. 1 регулирует и контролирует деятельность храмов. Слияние, перемещение и закрытие храмов, а также изменение их названий требовали разрешения генерал-губернатора, т. е. фактически управление храмами передавалось колониальным властям. Ст. 2 ликвидировала свободу собраний на территории храмов, чтобы не допустить там развития антияпонского движения. Ст. 3 говорила о необходимости получения разрешения на проведение ритуалов со стороны генерал-губернатора. Также взаимодействие между храмами и распорядок в них должны были получить одобрение со стороны колониальных властей. Ст. 4 регулировала полномочия настоятеля. Статьи 5 и 6 лишали храмы права собственности и устанавливали наказания для монахов. Ст. 7 создавала «безопасную зону» для максимального расширения полномочий. Прочие вопросы должны были решаться постановлением генерал-губернатора. Таким образом, Указ о храмах полностью подчинил деятельность буддийских храмов колониальным властям и лишил их какого-либо самостоятельного управления.

Было выделено 30 главных храмов (с 1924 г. — 31 храм), над которыми устанавливался полный контроль. Это было воспринято корейским обществом особенно болезненно, так как с конца XIX в. корейский буддизм переживал свое возрождение, и государственный контроль затормозил процесс его расцвета. Во многом это повлияло на рост антияпонских настроений среди буддистов.

Также правительство Японии объединило все корейские традиционные верования в категорию «псевдорелигии», или «народные верования», сведя их до ранга «суеверий», таким образом понизив их статус и обезличив их. В 1912 г. японской администрации были даны полномочия по чистке «псевдорелигий и суеверий», и постепенно традиционные корейские верования утратили вообще категорию «религия», превратившись в социальную патологию, не признаваемую метрополией. В этом можно увидеть попытку подавления корейской самости. Более того, постепенно шаманы стали рассматриваться как угроза японскому правлению, так как они часто, находясь в трансе, могли позволить себе анти-

японские высказывания на широкую публику [Sørensen, 1993, p. 55]. Таким образом, японское правительство стремилось вытеснить корейские народные верования, тем самым отдалив корейцев от своих традиций и обычаев.

В 1915 г. был принят Указ о распространении религии, который также регулировал христианство. В ст. 1 было указано, что религиями признаются «буддизм, синто и христианство» (ни слова про народные религии и конфуцианство). К христианам японское правительство относилось настороженно. В их числе преобладали американские протестантские миссии, которые имели большое влияние среди корейского населения. Также было запрещено религиозное образование и справление религиозных обрядов в школах, что подрывало деятельность иностранных миссионеров [Sørensen, 1993, p. 56].

Колониальное правительство стремилось подчинить деятельность религиозных организаций в Корее, однако не придавало особого значения распространению синтоизма. Законодательство не давало никаких привилегий синтоистским храмам и контролировало их наравне с буддийскими и христианскими объединениями. К 1920 г. в Корее насчитывалось всего 36 синтоистских храмов, и корейцы едва ли их посещали.

Начало распространения государственного синто в Корее

Первомартовское движение 1919 г. спровоцировало изменения в колониальной политике: японцы стали стремиться сократить дистанцию с корейцами посредством культуры. В том же году появился проект построения главного синтоистского храма на Корейском полуострове — Тёсэн-дзингу.

Возведение храма, который имел статус *кампэй тайся*, т. е. храма, финансирование которого осуществлялось напрямую из императорской казны, должно было стать символом государственного синто на Корейском полуострове. Однако вокруг его строительства в метрополии разгорелись споры.

Часть синтоистских монахов, которые поддерживали идею государственного синто, считали, что главный синтоистский храм в Корее должен иметь сакральную и историческую связь с корейским народом.

Успех государственного синто в Японии во многом зависел от глубокой психологической связи японцев с храмовым синтоизмом. Для синтоизма крайне важна связь между божеством и местом, в Корее же синтоистских божеств не было. В связи с этим представлялось разумным посвятить храм исконно корейским историческим или мифологическим персонажам, которым корейцы сами захотят поклоняться. В их числе был Огасавара Сёдзо, который считал, что строительство храмов, посвященных японским божествам на новой территории, является искажением синто [Сёдзо, 1926, с. 13]. Предлагалось посвятить храм в том числе и Тангуну — легендарному основателю первого корейского государства.

Однако в Японии происходили процессы, направленные на укрепление власти императора. Укреплялся его культ, поддерживаемый идеей о божественном происхождении императора. В 1921 г. в Японии было построено синтоистское

святылище, посвященное покойному императору Мэйдзи. Поэтому было принято решение, что главный синтоистский храм в Корее также будет поддерживать и укреплять идею божественности японского императора, и в конечном результате его посвятили главной богине синтоистского пантеона Аматаэрасу и ее предку — императору Мэйдзи.

Храм Тё:сэн-дзингу располагался на горе Намсан и занимал огромную территорию — порядка 500 м длиной от первых ворот *тории* до ворот главного храма, к которым вела каменная лестница через площадь, территорию залов поклонения и средние ворота. Масштаб храма должен был показать величественность и могущество Японской империи.

После возведения храма Тёсэн-дзингу в Корее стали строиться новые храмы, и к 1945 г. их насчитывалось более тысячи [Ру, 2016, р. 609]. Таким образом, синтоизм получает поддержку от колониальных властей, и к 1930 г. в Корее формируется основа для последующей «синтоизации» общества.

В 1930-е годы наступает расцвет идеологии тэнноизма (культу императора) и государственного синто в метрополии. Токио требовалась максимальная мобилизация общества и объединение подданных для реализации наступательной политики в Азии и преодоления последствий экономического кризиса 1929—1932 гг.

Перед колониальными властями встала задача укрепления и распространения политического мифа об императоре. Политика ассимиляции корейского населения подразумевала превращение его в настоящих подданных Японской империи, приносящих пользу метрополии как в тылу, так и на фронте. Японская империя понимала патриотизм как религиозную преданность императорскому роду, чему должно было способствовать государственное синто [Andersen, 2017, р. 19].

Политический миф об императоре имел очень четкие религиозные корни. Император является потомком главной богини синтоистского пантеона — Аматаэрасу-оомиками — и человеком-божеством *арахитогами*.

Ярким примером того, как воспринималось возвышение фигуры императора извне, является статья английского японоведа и филолога Б.Х. Чемберлена «Изобретение новой религии», в которой он писал, что вокруг императора создавалась новая религия, формирующая культ императора. По словам автора, «они [члены правительства] настаивали на учении синто, что император является прямым наследником местной Богини Солнца и что Он сам является живым Богом на земле, который справедливо требует абсолютной верности своих подданных. Такие вещи, как законы и конституции, являются лишь бесплатными дарами с Его стороны, а не народными правами [...]. Синтоизм, связанный с императорской семьей, единственный заслуживает уважения» [Chamberlain, 1912].

Представляется, что распространение государственного синто на территории Корейского полуострова стало важной составляющей политики ассимиляции. Подтверждением этому могут служить материалы японского генерал-губернаторства, на которые ссылается отечественный японовед Л.В. Овчинникова [Овчинникова, 2015, с. 401]. Усиливается влияние синто именно в 1930-е гг., когда Корейский полуостров особенно был необходим Японии как плацдарм для даль-

нейшего продвижения в Азии. Сопrotивление корейского населения, подавляемое традиционными жесткими методами — репрессиями и полицейским произволом, — продолжало существовать, и тогда японское правительство приняло решение воздействовать идеологически [Овчинникова, 2016, с. 106].

Распространение синто на территории колонии подобно тому, как распространялось христианство в европейских колониях, должно было, *во-первых*, способствовать «японизации» корейцев; *во-вторых*, стать одним из вспомогательных ресурсов для развития паназиатских идей за пределами Японии. В центре так называемой Великой восточноазиатской сферы сопроцветания должна была стать Япония вместе с ее религиозным культом, а точнее — культом императора [Суга, 1999, с. 24].

Укрепление государственного синто в Корее

После инцидента выступления молодых офицеров 15 мая 1932 г.¹ начинается ужесточение государственного синто как в метрополии, так и в Корее.

В метрополии тридцатые годы стали периодом расцвета культа императора, утверждения *кокутай* — концепции «национальной сущности» японцев, закрепляющей идеи верховенства императорской власти и самобытности японской культуры [Анзай, 2020, с.78—98].

В Японии последовательно проводилась политика культа императора. В 1890 г. был принят Императорский рескрипт о народном воспитании, который наставлял учащихся всегда следовать законам империи и лелеять доблести, заложенные императорской семьей [Императорский рескрипт о народном воспитании]. Школьники заучивали его наизусть и каждое утро хором скандировали. Данный рескрипт занял важное место в пропаганде Японской империи. Колониальные власти приняли похожую модель воздействия на молодое корейское поколение.

В корейских школах перед уроками, как и в Японии, читались клятвы императору, размещались портреты императора. Клятвы императору представляли собой краткую версию Императорского рескрипта о народном образовании, в которой корейские школьники обещали «воспитать выносливость в трудностях и прославить путь императора» [Овчинникова, 2015, с. 401].

С 1935 г. посещение синтоистских храмов для школьников становится обязательным. Они не только присутствовали во время проведения ритуалов, но и принимали активное участие в них: танцевали ритуальные танцы, помогали синтоистским священникам и т. д. Это считалось важной составляющей распростра-

---

¹ Попытка военного переворота группой офицеров Императорского флота Японии и кадетом Императорской армии Японии. В результате экономического кризиса и партийной нестабильности в японском обществе появился запрос на политические перемены. По плану офицеров в результате убийства премьер-министра Инукаи Цуёси и совершения переворота император должен был быть наделен неограниченной властью. Данные события повлияли на политический фон в Японской империи, был взят курс на ультра национализм и укрепление позиций императора.

нения синто. С 1936 г. школы, отказывающиеся от посещения их учащимися храмов, оказались под угрозой закрытия.

Особенно важную роль играл храм Тёсэн-дзингу, настоятель которого Такамацу Сиро одним из первых начал работу с учащимися школ. Церемонии назывались *кангаку сай* — приобщения к синтоизму. На церемонии в честь поступления в школу учащиеся благодарили императора за его благодеяния и обещали прикладывать усилия, чтобы стать достойными подданными Японской империи. В сопровождении опекунов или классного руководителя школьники приходили в храмы на церемонии, на которых присутствовали также представители колониальных властей. Поднявшись по каменным ступеням, учащиеся давали клятвы верности императору и Японской империи, а затем получали амулет *о-мамори* [Ямагути, 2014, с. 45]. Подобные церемонии часто шли вразрез с целями колониального правительства, так как отходили от тезиса о нерелигиозности храмов и приобщали к традициям храмового синтоизма [Kawase, 2017, p. 32].

Со стороны корейского населения встречалось сопротивление таким порядкам. Историк Дэ Ён Рю в своем исследовании приводит пример. В 1932 г. в Пхеньяне преподаватели христианской миссионерской школы отказались вести группу студентов в синтоистский храм, ссылаясь на религиозные убеждения. Колониальные власти предприняли попытку урегулировать данный инцидент. Главным аргументом генерал-губернаторства стало объяснение, что посещение храмов является не религиозным действием, а исключительно патриотическим и государственным событием [Ryu, 2016, p. 610].

Фактическим подтверждением распространения синтоизма в Корею стало строительство синтоистских храмов — *кайгай дзиндзя* (синтоистские храмы за границей). С 1935 г. колониальное правительство начинает массовое строительство синтоистских святилищ с целью максимально охватить всю территорию Кореи. В каждой волости должен был быть свой храм. Так к 1940-м годам их число выросло почти в пять раз [Kim, 2013, p. 287].

Среди корейцев иногда отмечался запрос на проведение повседневных ритуалов в синтоистских храмах — таких как свадьбы или моления, однако для генерал-губернаторства было важнее распространить именно государственное синто. Любовь к императору и служба государству — таковы были главные цели распространения синто в последние годы колониального правления [Kawase, 2017, p. 30]. Несогласие посещать храмовые обряды могло рассматриваться как оскорбление Его Императорского Величества, что являлось серьезным преступлением.

В военный период посещение храмов стало контролироваться больше. Корейцы посещали синтоистские храмы группами соседей, сослуживцев или одноклассников. Очевидцы писали, что корейцам приходилось на заре с флагами отправляться в синтоистские храмы на церемонии, посвященные победе в войне. Если они отказывались участвовать в церемонии, им переставали выдавать талоны на питание. Некоторые корейцы признавались, что молились в синтоистских храмах о поражении Японии в войне [Ямагути, 2014, с. 46]. Таким образом, посещение храмов корейцами по большей части оставалось необходимой формальностью и синто не стал их истинной религией.

Заключение

В попытках ассимилировать корейцев японское правительство приняло ряд мер, направленных на приобщение корейцев к японскому укладу жизни. В том числе сформировало религиозную политику и начало идеологическую обработку корейцев посредством распространения синто.

Колониальные власти начали последовательную политику установления контроля над всеми религиозными объединениями, регулировали их деятельность на территории колонии, ущемляя в правах представителей корейских народных верований — шаманов. По мере продвижения политики ассимиляции генерал-губернаторство применило в Корее механизмы распространения идеологии тэнноизма, показавшие свою эффективность на Японских островах.

Однако политика «синтоизации» не стала успешной. Poleмика, развернувшаяся среди идеологов государственного синто и исследователей идей синто в Японии, показала неоднозначность и неэффективность политики метрополии. Применение инструментов укрепления государственного синто, которые имели эффект в Японии, не приносили такого же результата в колонии. Причинами этому могло стать: 1) отсутствие психологической связи корейцев с синтоизмом и, следовательно, с фигурой императора-бога; 2) меры контроля за действиями религиозных организаций, которые часто вызывали отторжение у корейцев.

Подтверждением провала политики распространения синто является волна разрушений и поджогов синтоистских храмов на территории Корейского полуострова. 15 августа 1945 г., сразу после капитуляции Японии, был сожжен синтоистский храм в Пхеньяне, а в период с 16 по 18 августа того же года было разрушено 136 храмов [Ямагути, 2014, с. 47].

В колониях, где изначально не было храмового синтоизма, государственный синто сталкивался с сопротивлением. Действуя через угрозы (закрытия школ, лишения продовольствия), колониальное правительство Японии не смогло добиться желаемых результатов, а синтоистские храмы стали символом колониального гнета на Корейском полуострове.

Библиографический список

Императорский рескрипт о народном воспитании, 1890. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Рескрипт_императора_Японии_\(1890\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Рескрипт_императора_Японии_(1890)) (дата обращения: 27.05.2024).

Овчинникова Л.В. Внедрение прояпонских настроений в колониальной Корее во второй половине 30-х гг. XX века. (По страницам служебных изданий японского генерал-губернаторства) // История и культура Японии. Материалы 17-й ежегодной конференции «История и культура Японии», 2015. С. 396—403.

Овчинникова Л.В. Политико-идеологическая обработка корейского населения японской колониальной администрацией // Корейский полуостров в эпоху перемен. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 104—113.

Chamberlain B.H. The Invention of a New Religion. 1912 URL: <https://www.gutenberg.org/files/2510/2510-h/2510-h.htm> (дата обращения: 10.02.2024).

Kim Kwang-Ok. Colonial Body and Indigenous Soul: Religion as a Contested Terrain of Culture // Colonial Rule and Social Change in Korea 1910—1945. University of Washington Press, 2013. Pp. 264—313.

Andersen E. Introduction: Empire of Religions: Exploring Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea // Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea. Palgrave Macmillan Singapore, 2017. Pp. 17—28.

Kawase Takaya. State Shinto Policy in Colonial Korea // Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea. Palgrave Macmillan Singapore, 2017. Pp. 19—37.

Ryu Dae Young. Missionaries and Imperial Cult: Politics of the Shinto Shrine Rites Controversy in Colonial Korea // Diplomatic History, Vol. 40, No. 4, 2016. Pp. 606—634.

Sørensen H.H. The Attitude of the Japanese Colonial Government Towards Religion in Korea (1910—1919) // Copenhagen Papers, Vol. 8, 1993. Pp. 49—69.

사찰령 (寺刹令) [Указ о храмах] // 한국민족문화대백과사전 [Энциклопедия корейской народной культуры]. URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0025985> (дата обращения: 10.02.2024). (На кор.).

安西 敏三. 昭和精神史における平生 眞三郎 一機閣説・学制改革・国体論— [Анзай Тосимицу. Хирао Хатисабуро в психоистории Сёва: теория органа, образовательная реформа, дискуссия о термине кокутай] // 甲南法学, 2020. 124 с. (На яп.)

山口 公一. 植民地朝鮮における神社政策と朝鮮社会. 博士論文 [Ямагути, Коити. Храмовая политика в колониальной Корее и корейское общество. Диссертация]. 一橋大学, 2006. 830 с. (На яп.)

山口 公一. 敗戦直後の海外神社—朝鮮の神社を例に— [Ямагути Коити. Храмы зарубежом сразу после поражения в войне: на примере храмов в Корее] // アジア学科年報, 2014. С. 43—51. (На яп.)

宗教ノ宣布ニ関スル規則 [Правила распространения религии], 1906. URL: <https://www.jrpkc.org/2c9q5bm96a51y/宗教ノ宣布ニ関スル規則@0069~0075> (дата обращения: 27.05.2024). (На яп.)

小笠原 省三. 朝鮮神宮を拝して内鮮両民族の将来に及ぶ [Огасавара Сёдзо. Паломничество к храму Тё:сэн-дзингу и размышления о будущем народов Кореи и Манчжурии] // 顕彰日本社, 1926. 31 с. (На яп.)

菅 浩二. 朝鮮神宮御祭神論争」再解釈の試み: 神社の<土着性>とモダニズムの観点から [Суга, Кодзи. Попытка по-новому интерпретировать полемику по поводу закрепленных божеств Тё:сэн-Дзингу: взгляд на современные и коренные факторы синтоистских святыниц] // 宗教と社会 5 (0), 1999. С. 21—38. (На яп.)

References

Andersen E. (2017). Introduction: Empire of Religions: Exploring Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea. // Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea. Palgrave Macmillan Singapore: 17—28.

Chamberlain B.H. (1912). The Invention of a New Religion. URL: <https://www.gutenberg.org/files/2510/2510-h/2510-h.htm> (accessed: 10 February, 2024).

Imperatorskij reskript o narodnom vospitanii [Imperial Rescript on Public Education], 1890. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Рескрипт_императора_Японии_\(1890\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Рескрипт_императора_Японии_(1890)) (accessed: 27 May, 2024). (In Russian).

Kawase Takaya (2017). State Shinto Policy in Colonial Korea. *Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea*. Palgrave Macmillan Singapore: 19—37.

Kim Kwang-Ok (2013). Colonial Body and Indigenous Soul: Religion as a Contested Terrain of Culture. *Colonial Rule and Social Change in Korea 1910—1945*. University of Washington Press: 264—313.

Ovchinnikova L.V. (2015). Vnedreniye proyaponskikh nastroyeniy v kolonialnoy Koreye vo vtoroy polovine 30-kh gg. XX veka. (Po stranitsem sluzhebnykh izdaniy yaponskogo general-gubernatorstva) [The introduction of pro-Japanese sentiments in colonial Korea in the second half of the 30s. XX century. (According to the official publications of the Japanese General Government)]. *Istoriya i kultura Yaponii. Materialy 17-oy ezhegodnoy konferentsii "Istoriya i kultura Yaponii"* [History and Culture of Japan. Proceedings of the 17th Annual Conference "History and Culture of Japan"]. Moscow: Institut vostochnykh kul'tur i antichnosti RGGU: 396—403. (In Russian).

Ovchinnikova L.V. (2016). Politiko-ideologicheskaya obrabotka koreyskogo naseleniya yaponskoy kolonialnoy administratsiyey [Political and ideological indoctrination of the Korean population by the Japanese colonial administration]. *Koreyskiy poluostrov v epokhu peremen* [Korean Peninsula in the Epoch of Changes]. Moscow: IDV RAN: 104—113. (In Russian).

Sørensen H.H. (1993). The Attitude of the Japanese Colonial Government Towards Religion in Korea (1910—1919). *Copenhagen Papers*, Vol. 8: 29—69.

사찰령 (寺刹令) (Sachallyeong, jisatsurei) [Temple Decree]. 한국민족문화대백과사전 (Hanguk Minjok Munhwa Daebaekgwaja Sajeon). [Encyclopedia of Korean Culture]. URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0025985> (accessed: 10 February, 2024). (In Korean).

安西敏三 (2022). 昭和精神史における平生鈞三郎一機閣説・学制改革・国体論一 (Anzai Toshimitsu. Showa seishinshi-ni okeru Hirao Hachisaburo: kikansetsu, gakusei kaikaku, kokutairon) [Hirao Hachisaburo in Showa Psychohistory: Organ Theory, Educational Reform, Discussion on Kokutai]. *Konan hogaku*, 124 p. (In Japanese)

山口公一 (2006). 植民地期朝鮮における神社政策と朝鮮社会. 博士論文. (Yamaguchi Kōichi. Shokuminchi-ki Chōsen ni okeru jinja seisaku to Chōsen shakai. Hakushironbun) [Shrine policy and society in colonial Korea, PhD diss.]. Hitobashi daigaku, 830 p. (In Japanese).

山口公一 (2014). 敗戦直後の海外神社—朝鮮の神社を例に— (Yamaguchi Kōichi. Haisen chyokugo-no kaigai jinjya: Chosen-no jinjya wo rei ni) [Overseas shrines immediately after the Defeat in War: In the case of shrine in Korea]. *The annals of the Department of Asian Studies*: 43—51. (In Japanese)

宗教ノ宣布ニ関スル規則 (Shyukyō no senbu ni kansuru kisoku) [The rules of spreading religion]. URL: <https://www.jrpkc.org/2crq5bm96a51y/宗教ノ宣布ニ関スル規則@0069-0075> (accessed: 27 May, 2024). (In Japanese).

小笠原省三 (1926). 朝鮮神宮を拝して内鮮両民族の将来に及ぶ (Ogasawara Shōzo. Chōsenjingū o hai shite naisen ryōminzoku no shōrai ni oyobu) [Pilgrimage to the Chosen-jingu Shrine and reflections on the future of the peoples of Korea and Manchuria]. *Kenshō Nihon-sha*, 31 p. (In Japanese).

菅浩二 (1999). 朝鮮神宮御祭神論争」再解釈の試み：神社の<土着性>とモダニズムの視点から (Suga, Koji. Chōsenjingū gosaishin ronsō' sai kaishaku no kokoromi: Jinja no < dochaku-sei > to modanizumu no shiten kara) [An Attempt for Re-interpreting the Controversy on Enshrined Deities of Chosen-Jingu: A Perspective of Modern and Indigenous Factors of Shinto Shrines]. *Religion and Society*, Vol. 5, No.0: 21—38. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 10.02.2024
Принята к публикации: 20.04.2024

Received: 10.02.2024
Accepted: 20.04.2024